

УДК 81 4672

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТАУ, ТАШ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**© **З. Ф. Шайхисламова**

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 273 82 72.
Email: Zubarzhas@yandex.ru*

В статье рассматриваются некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке в рамках идеографической парадигматики, в системе четырех когнитивных сфер: I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори). Отмечается, что идеографическая классификация представляется как каркас познавательного процесса.

Лексические единицы тау, таш как языковой материал подвергаются анализу с этнолингвистической и этнокультурологической позиции с привлечением сведений по истории, культуре башкирского субэтнуса.

Ключевые слова: этнолингвистика, интерпретация, идеографическая парадигматика, система четырех когнитивных сфер, топонимика, культура, история, мифология, познание, природа (неживая, живая), этническое самосознание, лексические единицы тау, таш, башкирский язык.

На рубеже веков происходит интеграция наук, это же касается гуманитарных наук, так, этнолингвистика является результатом такого взаимодействия. Особое место занимают исследования, посвященные этноязыковой и этнокультурной истории народов. В рамках таких исследований изучаются структура кодифицированных текстов определенных жанров, в том числе заговорных текстов, ритуалов и т.п. в соотношении с данными сравнительно-исторических и археологических исследований.

Этнолингвистика – область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой, историей. Она основывается на трех ключевых понятиях: стереотип, профилирование и картина мира.

Каждый народ создает свою модель мира, определяет духовные и нравственные приоритеты, формирует этническое самосознание и систему жизненных ценностей. При этом некоторые особенности языка, религии, антропологические признаки, исследуемого этноса могут отражаться также и у других народов. Единственное же, что их отличает – это духовная культура, насыщенная обрядами, ритуалами, верованиями, представлениями, находящими свое выражение прежде всего в языке и фольклоре, мифологии.

Исходя из сказанного, в данной работе ставится **цель** проанализировать лексические единицы **тау, таш** в башкирском языке в рамках идеографической парадигматики в системе четырех когнитивных сфер: **I. Природа** (неживая, живая); **II. Человек** (как физико-биологическое существо); **III. Общество** (человек как единица функциональной жизни общества); **IV. Познание** (априори) [1, с. 5].

В частности, проблемам формирования терминологии диалектных особенностей тюркоязычных народов Урало-Поволжья и ее функционирования посвящены ряд наших публикаций [25].

Используются мифологические материалы, представленные в базах «**Словаря башкирской мифологии**» (СБМ) [6]. СБМ содержит более 200 статей, посвященных отдельным сюжетам, персонажам, темам башкирской мифологии, в некоторых случаях к отдельным названиям прилагаются диалектные, фонетические, орфографические варианты.

В башкирской мифологии, на наш взгляд, во всей полноте выявляется проблематика этнолингвистики. В частности, до сих пор не исследованы в башкирском языке лексические единицы с компонентом **тау, таш** в контексте этнолингвистической проблематики. Именно она (лексика) репрезентирует башкирские архаичные ритуалы, демонологию, в которых некоторые предметы или действия выражаются посредством символики.

Методологической основой исследования является лингво- философские положения о взаимодействии языка и культуры, о диалектном единстве формы и содержания, а также постулат об относительной социальной детерминированности лексического корпуса языка. Названные методологические установки определяют сущность аспектов рассмотрения лексических единиц с позиции этнолингвистического и этнолингвокультурологического анализа языкового материала с обязательным привлечением сведений из истории, культуры, основ социальной организации данного субэтнуса. По мнению ученых, мифология, возникшая и функционирующая в этнической среде, в сфере народной культуры, как предмет научных изысканий предполагает использование

при ее анализе применения единого, нерасчлененного этнолингвистического подхода. В частности, Н. И. Толстой отмечает совершенно справедливо, что сам язык – составная часть и орудие культуры, и может быть описан и часто описывается через признаки, общие для всех явлений культуры. Как бы ни членились языковедческие, этнографические, культурологические и другие родственные дисциплины, в них будет всегда ярко проступать общая семиологическая основа [7, с. 190]. Данная установка выступает в работе своего рода методологической базой, т.к. она нацеливает на системное осмысление взаимодействия мифологической системы, языка и культуры этноса, включая и ономастические единицы. При этом мы придерживаемся точки зрения, что каждый этнос отличается способами восприятия окружающей действительности, которые формируются на основе собственного практического освоения мира, с опорой на традиции и обычаи, с учетом установок культуры и специфики этнического сознания. **Актуальность данного исследования** обусловлена и тем, что на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные комплексному описанию лексических единиц когнитивных сфер башкирского языка с компонентом **тау, таш**, представленных в мифологии и, в частности, в топонимической системе северо-восточного региона Башкортостана.

Из вышеназванных аспектов в данной статье сначала рассматривается когнитивная сфера, связанная с природными явлениями.

I Природа (неживая и живая).

1. **Неживая природа:** земля, виды земного рельефа; вода, виды водных объектов и поверхностей. Небо, космос. Виды небесных тел. Природные явления. Погода. Состояние погоды.

2. **Живая природа:** Мир флоры: грибы, травы, цветы, кустарники, деревья; строения и особенности мира флоры. Мир фауны: насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, птицы, животные, звери; строения и особенности мира фауны.

Мы в своей работе базируемся на осмыслении окружающего объективного и духовного мира в рамках вышеуказанных когнитивных групп, где IV когнитивная сфера по логике должна быть целеполагающей, так как она прямо связана с **познанием** человеком окружающей объективной действительности.

Гора(тау) [6, с. 321–325] – один из важнейших мифологизированных природных объектов, соединяющих небо и землю. О верованиях, мифологических представлениях, связанных с почитанием гор: **Тора тау, Яман тау** (Тура-тау, Яман-тау) можно найти ценные сведения в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.» [8]. В них указанные ономастические единицы превращаются, как точно отметил в свое время С. И. Руденко, в

сокровищницу безыскусно и ярко изложенных фактов. Записки И. И. Лепехина ценны и тем, что автор сам был очевидцем многих обрядов, ритуалов, связанных с мифологическими воззрениями башкир. В частности, интересны его наблюдения и собранный им материал о почитании гор у башкир. Например, он излагает о том, что «за свято почитаемая башкирцами Тура-тау (**Тора тау**). Никто из них на эту гору идти с нами не хотел. Отговаривался обетами, которые они должны горе и которые еще не исполнены. Без исполнения обетов влезать на гору никто не может “разве кто похочет быть сам себе злодеем». Они рассказали о татарине, который презирал сие священное место и в возмездие на горе напोकостил. Это ему даром не прошло. Вскоре весь его род вымер. Мор начался с его сына, который умирая видел хищных зверей, сходящих с горы и готовящихся терзать его тело и всего семейства. Другой был растерзан медведем за то, что гонялся без всякого обета за лисицею и в посмеянии забрался на гору. «Башкирцы сию гору считали самоважнейшей и почитали» [8, с. 32–35]. О горе **Йылан/Жилан-тау** («Змеиная гора») он пишет, что прозвана Змеиную по башкирским сказкам, за то, что в старину живал в ней великий змей, который убит был от одного их батыра Клянчу прозываемого, и который употребил особливую выдумку к преодолению сего противника [8, с. 58, 74–76]. М. В. Лоссиевский описывает немало мифологических представлений башкир о духе или шайтане пещеры **Йылан/Зилан тау** и о духах пещеры **Тауча** (?) на речке Шешеняк, из которой «перед каким-нибудь бедствием поднималась черным смерчем вода, которая затем падала и исчезала. А в полночь из него выбегала чернобурая лисица».

Ценные материалы по башкирской мифологии и мифонимии имеются в материалах М. В. Лоссиевского [9]. В частности, в статье «Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края» он указывает на то, что в пещере **Шульган-таш** жило особое племя и, что в пещере **Муйнак таш**, по рассказам стариков, находится каменная собака, которую превратился окаменевший див; пещера **Тирмен-тау** привлек внимание башкир гулом, идущим из нее «это жилище Дью-париев (**дейеу, пәрей**. – 3. Ш.), которые день и ночь дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотами».

Мифологизации подверглись скалы и камни, пещеры и ущелья; нужно отметить, что каждая гора насыщена легендами, преданиями, приметами, песнями. Легенды **Югомаш-тау, а также Аккош аткан-тау** – «гора, где застрелили лебедя», «Двугорье Алпакум», «Мусектау», «Алатау» и др.; песни «Урал», «Ямаликай-тау», «Утес-Ташская», «Масимтау», «Алатау» и др.

На наш взгляд, это объясняется тем, что для башкир, коренных жителей Уральских гор и

прилегающих к ним степей, горы являются центром вселенной, центром родовой территории, символом родины [10]. Очевидно, в перспективе накопление, систематизация и собственно лингвистический (формальный и семантический) анализ фольклорно-этнографических факторов народной этимологии остаются насущной задачей науки о языке.

Башкиры олицетворяли, персонифицировали горы, о чем говорят легенды и предания. В частности, в легенде «Калым Урала» горы **Урал** и **Иремель** представлены как *старик Урал* и *старуха Иремель* [8, с. 77–78].

Об олицетворении башкирами гор свидетельствуют и географические термины соматического происхождения: например, **тау башы** (вершина горы; досл. «голова горы»), **тау бите** (склон горы; досл. «лицо горы»), **тау мороно** (отрог; досл. «нос горы»), **тау аркаһы** (горный хребет; досл. «спина горы») и др. Подобные географические термины свидетельствуют о том, что в далеком прошлом, в когнитивной картине мира древних башкир горы, как и люди, могли иметь голову, лицо, нос, спину и т.д. Горы, в частности, могли плакать, выть, говорить и т.д. В башкирской паремиологии имеются сотни пословиц и поговорок, фразеологизмов с компонентом **тау** – «гора», **таш** – «камень», **үр** – «вершина» и т.п., которые связаны с различными сферами познания объективной окружающей действительности. Башкиры поклонялись горам, обожествляли их, проводили на вершинах гор, холмах различные обрядовые праздники, моления, посвященные культуре предков. Например: **Карға буткаһы** (Воронья каша), **Карғатуй** (Воронье пиршество) и др. Исходя из представления, что отдельные камни имеют особую священную силу, в засушливые годы с помощью особых камней **Ямғыр ташы** («Камень дождя»), **Язаташ 1** «Камень прописывает», **(2)** «Камень, приносящий ясную погоду», **Йәйташ/Жәйташ** башкиры проводили обряд *вызывания дождя* (**Ямғыр теләү**, **Ямғыр яззырыу**), а в год проливных дождей проводили обряды **Аяз теләү** – «Вызывание солнца». Из многочисленного фактологического материала останавливаемся только на вышеприведенных.

В качестве единицы описания в данном случае выступает не только лексическая пара семантически сближенных созвучных слов, а как правило целый, нередко достаточно пространственный текст, в пределах которого только и может быть выявлена мотивировка самого сближения. Вплотную здесь встает проблема более глубокого рассмотрения, изучения функции народной этимологии в структуре текста, требующего анализа и интерпретации магии как мифопоэтического приема, включающегося в сложную семантическую и поэтическую организацию целого текста.

Исходя из воспоминаний, зафиксированных во время диалектологических экспедиций, по представлениям башкир, вершины гор были священными местами, расположенными ближе к Небу, Всевышнему. Для облегчения связи с небом, солнцем на вершинах гор башкиры складывали каменные холмы – **уба**, **караскы**, на которых и в настоящее время можно увидеть, например, на горе **Аркайым** (Аркаим) и др. предметы умиловительных обрядов: ленты, цветные лоскутки, женские украшения, (серьги, кольца, бусы и монетки).

Об умиловительных обрядах, жертвоприношениях на вершинах гор С. И. Руденко писал, что на некоторых горах Южного Урала, в частности на **Масимтау**, мне приходилось видеть на вершинах жертвы, принесенные хозяину-духу горы лицами, на нее поднимавшимися; жертвами чаще всего были или медные монеты, оловянные или серебряные украшения женских нагрудников или, наконец, лоскутки материй (сепрэк), навешанные к палке, воткнутой в расщелину между камнями на самой вершине скалы. На горных вершинах в хребте **Кыркты**, по **Уральскому хребту**, вблизи кочевков я встречал деревца, сплошь завешанные лоскутками материи (сепрэк) [11, с. 268].

Следует особо отметить тот факт, что гора **Урал** (**Урал тау**) является священной территорией, местом обитания всех башкир. Помимо этого у каждого рода и племени были свои священные горы. На горе запрещалось сорить, ругаться, наносить вред природе (ломать деревья, рвать цветы и т.п.). Нарушивших запрет, согрешивших ожидало наказание; например, в легенде **“Сыуал таш”** (**Сувал-таш – печь камень**) говорится о невесте и свекрови, заставших «двумя глыбами цельного камня» за то, что они на вершине горы затеяли ссору и ругались [10, с. 41].

По верованиям башкир, перед подъемом на гору нужно подготовиться: получить благословение, разрешение. Например, *Тәңре һиңә дарман бирһен, тау эйәһе фарман бирһен* («Пусть Тенгри даст тебе мощь и силы, а дух горы – энергию и разрешение (силу)»).

По представлениям башкир, каждая гора имеет своего духа, хозяина – **Тау эйәһе**. Дух горы охраняет, оберегает гору, обеспечивает ей спокойствие. В мифологических легендах дух горы показывается людям в облике утки, орла, змеи, человека. В частности, в легендах о горах **Ямантау**, **Югомаштау** говорится о духах этих гор, которые в обличье двух уток плавают в озерах на вершинах названных гор. Если дух, хозяин горы по какой-то причине покидает эту гору, она разрушается, уходит под землю или под воду. В легенде **“Югомаш-тау”** говорится о том, что как не стало у горы хозяев, с того времени Югомаш-тау опускается, уходит под землю [10, с. 38].

На вершинах священных гор, на могилах святых-аулия (изгеләр) башкиры останавливаются,

читают аят, оставляют монетки, женские украшения (как оберег – *З. III.*), ягоды, красивые камушки и т.д. Ряд могил на вершинах священных гор являются местом полоничества. Изложенные факты свидетельствуют о том, что обычаи, связанные с погребением умерших на вершинах гор, восходят к доисламским традициям башкир. На вершинах гор башкиры хоронили миссионеров, батыров [10, с. 49]. Такие горы называются **Әулиә тауы** «Гора Аулии», **Изгеләр тауы** «Гора Святых», **Әулиә кәбере** «Могила Аулии», **Изгеләр кәбере** «Могила Святых».

Роль народной этимологии в текстах названных типов может быть, как на то указывают и другие исследователи, различной: от мотивирующей совершаемые действия до генерирующей, то есть порождающей обрядовые действия. Данный аспект рассмотрения предполагает выход за пределы вербальных текстов и обращение к ритуально-магическим формам поведения, к обрядовым текстам, мифологии и верования, и необязательно имеющим языковое выражение или устойчивую текстовую форму. В частности, отражением ритуальных действий, мотивированных народной этимологией могут служить следующие примеры: 1. *Ерзәге ташты кузгатһаң, ел сығыр.* 2. *Тауға қарап, тау булып булмай.* 3. *Тырышқан ташка казак қакқан* и т.п. Созвучные компоненты обеих частей в таких текстах принимают на себя семантическую и символическую интерпретацию этой связи, ее мотивировку.

В башкирской мифологии имеются сюжеты о происхождении гор. Так, в легенде «Как возникла Луна и Уральские горы» говорится о том, что давным-давно на небе было два солнца, которые днем и ночью озаряли землю. Лишь батыру Уралу удалось сбить одно из солнц, которое развалилось на две части. Одна половина солнца осталась висеть на небе и стала луной, другая – упала на землю и превратилась в большую гору, богатую всякими сокровищами. Эту гору в честь батыра Урала стали называть Уральскими горами [10, с. 31].

В кубаире-эпосе «Урал-батыр» все горы возникли из тел убитых Уралом и его сыновьями дивов. Гора **Яман-тау** возникла из тела царя дивов Азраки. В легенде «**Двугорье Алпа-Кум**» горы возникли из песка, высыпанного из обуви могучего человека Алпа. Из прилипшей грязи подошвы и голенищ сапог великана из рода Алпамыши возникла гора **Мусектау**, которая находится на северо-востоке Башкортостана.

Далее мы оперируем материалами северо-восточной части Башкортостана, которые зафиксированы и изучены нами [11] (в скобках указывается частота встречаемости топонимов в исследуемом регионе).

Учитывая тот факт, что языковой знак есть двусторонняя психическая сущность, в основе то-

понимов, указывающего на фауну и флору имеется два признака: 1) признак, обусловленный особенностями географической реалии, и 2) признак, обусловленный особенностями общественно-исторической и материальной жизни народа.

2.2. Мир фауны:

2.2.1. В данном разделе рассмотрены **фитотопонимы с компонентом тау, таш**, отражающие часть флоры исследуемого региона [10], например, фитотопонимы **Сәнсеүбаш бите**, **Кондорсок тауы**, **Бүтәгәле тау**, **Балтырған дүбәһе** (в лит. башк. түбәһе), **Йыуалы түбә**, **Үлән тау**, **Бөрзөгән тау**, **Ауһак тау**, **Ауһак дүбә**, **Сейә арка**, **Имән тау** (14 названий) и т.д. Названия с компонентом **имән** показывают отличительный признак, т.к. это дерево растет не во всех районах северо-востока Башкортостана. Издревле у башкир растительность шла на корм, в пищу, для изготовления изделий и топлива. Об этом пишет С. И. Руденко [11, с. 80, 125–126].

2.2.2. Пресмыкающиеся, животные и звери.

Зоотопонимы с компонентом тау, таш также характеризуют объект по наличию тех или иных животных (их признаков и др.): **Куян тауы**, **Йыландығаштак**, **Йылан тау**, **Бүре тау**, **Айыу тау**, **Кәзә таш**, **Кәзә тауы**, **Төлкә тауы**, **Өндө түбә** и др.

2.2.3. Птицы.

Среди зоотопонимов с компонентом тау, таш можно выделить отдельную группу, содержащую в своем составе названий птиц: **Өкә тау**, **Аккош тауы**, **Бөркөтә тауы**, **Козғон тауы**, **Ыласын таш**, **Карсығатау**, **Бөркөт тау** и др.

Фито и зоотопонимы с компонентом тау, таш информируют о природных особенностях окружающей среды в прошлом и настоящем. Просветитель XIX в. М. Уметбаев писал, что у коренных башкир названий рыб, птиц достаточно, а припущенники же их, особенно мещеряки, мало знают, т.к. не являются охотниками рыб, и дичи [12, с. 142].

II. Человек (как физико-биологическое существо): (в связи с ограничением объема статьи, материал не представлен).

III. Общество (человек как общественное существо).

Наличие таких оронимов: **Киргәле тау**, **Етен тауы**, **Бизертау**, **Әрзәнә тау**, **Дихтәркә тауы**, **Йыламоса тауы**, и др. свидетельствуют о том, что население исследуемого региона занималось заготовкой древесного угля, делало ободы, сани, изготовляло жерди, заготовляло мочало, лубок и др.

С. И. Руденко к специфическим чертам быта населения региона относит то, что в начале XX в. у айлинцев кожаная посуда не употреблялась, а преобладала деревянная и многочисленные изделия из мочала и лыка [11, с. 346].

Топонимы с компонентом *тау, таш*, связанные освоением природных богатств региона:

Янған тау, Бур тау, Бур таш, Катышлы(Катышты) тау, Сүләтер тауы, Рудник тау, Йокаташ тауы, Плита тауы и др. В частности, И. И. Лепехин отмечал, что представители коренного населения края умели распознавать руды благородных металлов. Житель д. **Кускильдино Кудейской волости Сибирской дороги** Нуруш Кинзекеев в 1740 г. нашел в вершинах Белой реки в вотчине **Табынской волости в горе Алабаше** серебряную руду. Об использовании серебра башкирами д. **Сартов** (бассейне **р. Ай**) в спорном деле писал в своем доношении Кунгурский воевода А. Писемский 18 июня 1773 г.

...Месторождение железной руды по **р. Узень** на территории **Тарнаклинской вол.** в 1740 г. показал властям старшина **Шайтан-Кудейской вол.** Шиганай Бурчаков. Руда содержала и немного меди” [8, с. 278, 296]. Также исследователь пишет о том, что д. **Шарыпово** стоит на речке **Сикияз**, которая примечания достойна по содержащийся в ней сере... она также и в прежде описанных серных ключах, наподобие ила садится на лежащие в ручейках камешки и деревенки. Сверх сего берега реки **Сикияза** изобилуют белою и весьма вязкою глиною... На самой реке **Аю** славные между Башкирцами находится место **Кызыл яр** (Красный яр или Крутец) прозываемое ... от самой поверхности даже до изпода состоит из разных слоев железной руды. Тут можно будет видеть разных цветов охру, как окреплую, так и рыхлую, которая слои ноздреватов железной руды разделяла.

Территория Башкортостана была в течение многих веков ареной сложных исторических событий, оставивших заметный след в ее топонимии **Кантон тауы, Ятап тауы** [13], **Справник тауы, Мир тау, Ям тауы, Бәпәнә тауы, Мәкәр тау, Таш келәт (тау), Тукманғыр тау, Ташкыуыш** и др. Об этапных помещениях в дд. Каратавлах, Илекской волости Урманцах для арестантов говорится, что этапно-ночлежное помещение настолько ветхое и неудобное, что содержание в нем ночлега арестантов становится опасным. В **Златоустовском уезде** отмечены пять этапных помещений в пунктах: **Пристанинском, Термевском, Кувашином, Саткинском** и **Златоустовском**, расположенных на внутренней этапной дороге между городами **Уфой** и **Златоустом**, по так называемому **Старо-Сибирскому** коммерческому тракту, содержащихся на счете казны.

В группу топонимов с компонентом **тау, таш**, сохранивших сведения о крупных исторических событиях, о памятных местах, народных обычаях, представлениях, обрядах и поверьях также могут быть включены следующие: **Хан тау, Калатау** (2 названия), **Тораташ, Торатау** (3 названия), **Тораташ каяһы** (2 названия),

Карауыл түбә, Һактау (8 названий) **Карагай һактау, Карауыл тау** (2 названия), **Һакташ, Кәжигер һактауы, Карға тауы, Кейүзәр тауы, Кыззар тауы, Кыззар түбәһе, Бүкәй тау, Хөкөм тау** [14], **Командир тауы, Партизандар ташы, Коммун тауы, Йондоззо тау, Укытыусы тауы, Йәслә тауы, Флаклы тау, Шәһиттәр тауы** и др.

Топонимы, включающие лексемы **кала, тора** «крепость, укрепленное место» и т.п. сообщают о местах старых поселений ханских ставок, стоянок и т.д. Ценную историческую информацию несут в себе оронимы с компонентом карауыл, һак «сторожевая, караульная». Исторические данные и фольклорные произведения свидетельствуют о частых набегах соседних кочевых племен и т.п.

В основу следующих топонимов положены события бытового характера, связанные прежде всего земельными вопросами, земельными спорами: **Бәлә тауы, Бикмәй баҫқан тау, Саңғы тау, Сәгәт тау** и др.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что некоторые поземельные споры продолжались несколько десятилетий, они возникали из-за неправильного «окортошения», т.е. заселялись не там, где законно должны были, да и потому, что сначала заселялись несколько дворов, соответственно и земли требовалось столько же, с течением времени угодий требовалось все больше, что вызывало спор между припущенниками, государственными крестьянами и вотчинниками-башкирами. Например, государственные крестьяне **Старого** и **Нового Белокатая** по двум контрактам, заключенным в 1831–1832 гг. башкирами **Дуванской волости** «окортошили землю с правом производить на ней хлебопашество и рубку леса, первый договор – в течение 12 лет за 300 руб. ассигн. и второй – в течение 30 лет за 600 руб. ассигн.». На деле крестьяне указанных селений поселялись на башкирской земле действительно, по договорам 1804 и 1821 гг., но не в **Дуванской волости**, а в **Белокатайской**. Таких примеров на территории Башкортостана была масса [15].

Северо-восток Башкортостана известен городищами, пещерами. По историческим и археологическим данным они относятся к разным периодам пребывания человека на данной территории. Этимология ойконима **Улькунды** очевидно такова: **Оло кәнде** «Большое городище», в арабском кәнд (кәнде) обозначает «город, крепость, селение»: **Өлкөндө** – «Большое селение, городище»; (здесь **Оло** в составе **Өлкөндө** под воздействием компонента **кәнде** принимает мягкую форму, а **кәнде** лабиализируется под воздействием – **о**. (Сравн. в современном турецком языке Kent – «город»). Такое объяснение, очевидно более, правдоподобно, о чем свидетельствуют и исторические материалы. Возможно, слово **Өлкөндө** заимствовано через неизвестные пока языки народов, которые обитали издревле на Южном

Урале. Например, в «Списках населенных мест Российской империи...» говорится о том, что в **Златоустовском уезде**, близ **башкирской деревни Улькунды (1769)** лежат два городища, называемая башкирами **Чудскими и Шайтан** (т.е. Чортовы) городищами. Первое из них в 4 верстах от деревни известно под именем **Чукурь городища** (Сокор «рытвина» – *З. Ш.*); другое **Улькунды или Пгичье городище** лежит в 3 верстах к востоку от первого, далее говорится о том, что они оба расположены на вершинах гор. **Чукур гора** имеет пещеру; городище представляет круглый вал на пространстве 34 сажени с выходами на восток и запад; окружность вала **Улькунды** простирается на 43 и 1/2 сажени. ... В четырех верстах от с. **Метели** и в трех верстах от **Сикияз** расположены у реки **Ая Чудские курганы**, также в 12 верстах от села **Тастубы** у реки **Кошелевка** имеется гористое место **Сивый камень**”, где по преданию, зарыты чудские клады. Ныне данная пещера называется **Сабакай**” [15].

К этому ряду топонимов относятся также **Мазар тау** (3 названия). Проведенные в 1978 г. башкирскими археологами раскопки выявили могильники, по словам старожилов, функционировавшие с конца XVIII до начала XX вв. В ходе раскопок в дд. **Старо-Халилово, Абдрашистово, Ахуново** краниологами установлено, что...«лишь серии черепов северо-восточных башкир дают высокие показатели сходства с черепами **ненцев**, что не исключает **самодийского компонента** в составе этой группы башкир. В целом наиболее стабильной оказалась взаимосвязь с **хакасами, шорцами**, а серии из **Ахунова** – с **киргизами и уграми Западной Сибири**. Установлено также сходство серии женских черепов башкир бассейна рек **Ай и Юрюзани** с женскими выборками **Волго-Камья**. Выявлена очень высокая степень близости с северными **чуваши, удмуртами, и марийцами**» [16].

Об инфраструктуре сельской жизни говорят: “**Карзы убаһы, Тиреҫ бит, Каскалак тау, Айғыръял тауы, Ат сыккан тау, Айғыр оскан таш, Алағолкай тауы, Ерән бейә тауы, Кашка бейә тау, Әмәле төбә, Бәрән тау, Кетәк тау, Караүгез тауы, Килекәй тау, Дөрәнкә тау, Иген тау, Стан тауы, Тирмән тауы** (12 названий), **Шалкан тау, Кыяр тау, Сукмарлы тау, Кош тоткан тауы, Солөк тау, Биләм тауы, Батманкай тауы, Һәрпәк тауы**” и др. содержат сведения о занятиях башкир охотой, рыболовством, пчеловодством, земледелием и другими видами хозяйства.

IV. Познание (априори). В данной когнитивной сфере нами проанализированы ономастические единицы связанные *количеством, величиной, размером, степенью*: оппозиция *особы, указывающая на “начало – конец”* однотипных объектов: *тау ошо – тау башы*; Оппозиция *оло – кесе, зур/ йур – бәләкәй/дәү*

«большой – малый» показывает относительную величину природных объектов и в нашем случае: **Оло (Зур) Көнгәк тауы – Кесе Күнгәк/Көнгәк тауы, Оло тау, Бәләкәй тау**; оппозиция *озон – кыска* «длинный – короткий»: **Озон тау – Кыска тау**.

При наименовании оронимов мотивом эмоциональной оценки может выступать одновременно признак предмета, его социальная оценка говорящим и образ, всплывающий в сознании говорящего при обозначении данного предмета: **Ямантау, Хәсрәт тауы, Котло тау, Бәхил тауы, Бәрей тишеге, Мәскәй тау, Кирәмәт тау, Корбан тау (2 названия), Хаж тау, Әзәм тауы, Әбей тауы, Куткан тауы** и др. [17, с. 104–105, 120].

Множество определений при обозначении различных особенностей ландшафта, рельефа, как свидетельствуют примеры из проанализированного материала, показывают богатство лексики башкирского языка. В механизм создания экспрессивности лексем и лексико-семантических вариантов вовлекаются не любые денотативные семы, а преимущественно такие, которые отражают параметрические признаки явлений и объектов т.е. характеризуются величиной, размером, интенсивностью, или силой, количеством, качеством и т.п. параметрами и обычно получают нормативно – социальную оценку (коллективную или индивидуальную) со стороны говорящих (большой-маленький, высокий – низкий, длинный – короткий и т.п.), а также другие признаки, которые оцениваются социальным коллективом как положительные или отрицательные (*общеоценочный параметр*) по различным, основаниям или мотивам [18, с. 157].

Образно-метафорические топонимы с компонентом *тау, таш*, как об этом было выше сказано, связаны с тем, что человек, живя в природе и в обществе, действует, движется, мыслит, познает, ощущает. Он осмысливает свои качества и свойства и себе подобных. В меру своего воображения или в меру своего понимания мира человек наделяет предметы способностью действовать и другими свойствами одушевленных существ: **Таш морон тауы, Ташты үзәк, Коро түш, Тәмәнәй түше, Көзөй аркаһы, Балды арка, Таш быуын, Мандай** [19, с. 39–44].

Привлекают также внимание такие географические названия, *в основе которых топонимы-метафоры с компонентом тау, таш*. Основа для сравнения в них своеобразна: **Капка таш, Баштык каяһы, Катышты тау, Таған тау, Өй таш, Яланғас тау, Такыя тау, Сатра тау** и т.д. Немаловажную роль в образовании оронимов данного типа играют географические термины, являющиеся базовым структурным стержнем и несущие основную информацию о характере объекта.

В заключении скажем, что башкирские мифы, ритуалы, народный календарь, демонология, поверья, стереотипы обыденного и ритуального поведения, обрядовая лексика и фразеология, ритуальные тексты, символика, фольклор, система метафор и другие формы традиционной духовной культуры башкирского народа являются основополагающими для становления этнолингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Подобранный и систематизированный в нашей работе картотечный материал в рамках когнитивного осмысления способствует обогащению науки новейшими данными о башкирских древностях, верованиях и обычаях.

Наше исследование, полагаем, способствует формированию более полного представления, установлению и отчасти раскрытию сути лингвокультурологической картины мира тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации на материале исторической, ономастической, мифологической, диалектной лексики [20].

Исторический аспект диалектной системы башкирского народа исследуется в когнитивном аспекте башкирскими учеными в контексте Урало-Поволжского языкового союза [21].

В аспекте этнолингвистики миропонимание народа на каждом синхронном срезе его истории не является, как известно, однородным: культурно-национальная палитра характеризуется множественностью установок, осмыслением сходных ситуаций или явлений с разных позиций, так что в фокус говорящих на каком-либо языке попадают различные стороны ситуаций или разные ипостаси явления. Стереотипы, как правило, принадлежат не всему народу в целом, а каким-то его социальным и диалектным группам. Поэтому современная лингвистика исследует не только особенности языкового отражения мира большими коллективами – нацией, народом, этносом, но и территориально ограниченным социумом.

ЛИТЕРАТУРА

- Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (Опыт лексико-семантического и идеографического словаря). Часть II. Уфа: Восточный университет, 2004. 200 с.
- Шайхулов А. Г., Бикмаева Л. У., Садыкова З. Р. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. Т. 1. Часть 1. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 510 с.
- Шайхулов А. Г., Бикмаева Л. У., Садыкова З. Р. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. Т. 1. Часть 2. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 506 с.
- В. Н. Асмондьяров, З. Ф. Шайхисламова, А. Г. Шайхулов. К вопросу об идеографической характеристике диалектов тюркских языков народов Урало-Поволжья (на материале говоров башкирского языка) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XII региональной конференции (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). С. 24–26.
- Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты уйгурско-башкирских лексических взаимосвязей (на материале эмотивов) // Жизнь, посвященная тюркологии: К 90-летию со дня рождения известного тюрколога, академика, доктора филологических наук, профессора Эдхяма Рахимовича Тенишева. Казань: ТГПУ, 2011. С. 123–128.
- Хисаметдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.
- Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языковедении и этнографии (Язык и этнос). Л., 1983. 252 с.
- Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб.: изд-во Тип. Императорской Академии Наук. 1771–1805. Т. IV.
- Лоссиевский М. В. Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края // Оренбургский листок. 1878. №36.
- Шайхисламова З. Ф. Вербализация пространственных отношений в башкирском языке как отражение этнокультурного сознания башкирского народа // Востоковедение в России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Уфа, РИЦ БашГУ, 2013. С. 347–354.
- Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. Л.: изд-во Академии Наук СССР, 1955. 393 с.
- Өмөтбаев М. И. Йәдкәр. Өфө: Китап, 1984, 2011. 344 б.
- Златоустовский архив Челябинск. обл. Ф. 11, оп. 1. Д. 56. ЛЛ. 2, 39.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 551 с.
- РГИА Ф. 381, Оп. 8, Д. 4119, Л. 2.4; РГИА Ф. 383. Оп. 31.: ЦГИА РБ И-10, Оп. 1, Д. 1506; Д. 1497; Д. 1509.
- Юсупов Р. М. Краниология башкир. М.: Наука, 1989. 197 с.
- Башкорт халык ижады. Әкияттәр, ривәяттәр, хәтирәләр, сәсәндәр ижады. Өфө, 1982.- 342 б.
- Телия В. Н., Графова В. А. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Шайхисламова З. Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ). Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 212 с.
- Шайхулов А. Г. Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетических контактных связей). РИЦ БашГУ. 2013. 268 с.
- Башкирское народное творчество. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. 510 с.
- Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 573 с.
- Акманов И. Г. Башкирия в составе российского государства в VII в. – первой половине VIII в. Свердловск: издательство Уральского университета, 1991. 156 с.
- Уфимская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1870 г. СПб; 1877. 258 с.
- Асмондьяров В. Н. Некоторые аспекты сравнительной характеристики терминологии диалектных особенностей тюркоязычных народов Урало-Поволжья (на материале диалектологического атласа башкирского языка) // Евразийский гуманитарный форум. 2013. №3. С. 84–87.
- Азнабаев А. М. Плеоназм и категория определенности-неопределенности в исторической судьбе башкирского и других тюркских языков. // Проблемы востоковедения. 2013. №2 (60). С.57–62.

Поступила в редакцию 26.11.2014 г.

ON SOME ASPECTS OF ETHNO-LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE LEXICAL UNITS “TAU” AND “TASH” IN THE BASHKIR LANGUAGE

© Z. F. Shaikhislamova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7(347) 273 82 72.
Email: zubarzhas@yandex.ru*

Every nation creates its own model of the world, defines the spiritual and moral priorities, forms the ethnic identity and system of values in life. However, some features of the language, religion, anthropological traits of investigated ethnic group can be reflected also in other nations. The article is devoted to some aspects of ethno-linguistic interpretation of lexical units “*tau*”, “*tash*” in the Bashkir language within the framework of ideographic paradigmatic, in the system of four cognitive spheres: I. Nature (inanimate, animate); II. Human Being (as a physical and biological entity); III. Society (man as a unit of the functional life of society); IV. Cognition (a priori). It is presumed that the ideographic classification is represented as a framework of the cognitive process. It should be noted that the study is topical due to the fact that there are no works for today devoted to the description of complex lexical units “*tau*”, “*tash*” as cognitive component of Bashkir language represented in mythology and, in particular, in toponymic system of north-eastern Bashkortostan. The methodological basis of the study is lingua- philosophical position on the interaction of language and culture, dialect of the unity of form and content, as well as the postulate of relative social determinacy of lexical body of language. Called methodological orientations define the essence of aspects of the analysis of lexical units from the perspective of ethno-linguistic and linguistic material of ethno lingua-cultural analysis with compulsory information on the history, culture and social organization of the basics of sub ethnos. Lexical units “*tau*” and “*tash*” undergo the ethno-linguistic and ethno-cultural analysis, alongside with the studying of events in the history and culture of the Bashkir nation.

Keywords: *ethno-linguistics, interpretation, ideographic paradigm, the system of four cognitive spheres, toponym, culture, history, mythology, cognition, nature (inanimate, animate), ethnic awareness, lexical units, tau, tash, Bashkir language.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Khaliullina N. U., Shaikhulov A. G. Tyurkskie yazyki Uralo-Povolzh'ya v kontekste altaiskogo yazykovogo soobshchestva (Opyt leksiko-semanticheskogo i ideogra-ficheskogo slovarya) [The Turkic Languages of the Ural-Volga Region in the Context of the Altai Language Community (Experience of Lexical-Semantic and Ideographic Dictionary)]. Chast' II. Ufa: Vostochnyi universitet, 2004.
2. Shaikhulov A. G., Bikmaeva L. U., Sadykova Z. R. Materialy k ideograficheskomu slovarju dialektov tatarskogo yazyka [Materials for Ideographic Dictionary of the Dialects of Tatar Language]. Vol. 1. Chast' 1. Ufa: RIO Bash GU, 2005.
3. Shaikhulov A. G., Bikmaeva L. U., Sadykova Z. R. Materialy k ideograficheskomu slovarju dialektov tatarskogo yazyka [Materials for Ideographic Dictionary of the Dialects of Tatar Language]. Vol. 1. Chast' 2. Ufa: RIO Bash GU. 2005.
4. V. N. Asmond'yarov, Z. F. Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii. Materialy XII regional'noi konferentsii (Ufa, 27–28 noyabrya 2012 g.). Pp. 24–26.
5. Shaikhislamova Z. F. Zhizn', posvyashchennaya tyurkologii: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo tyurkologa, akademika, doktora filologicheskikh nauk, professora Edkhyama Rakhimovicha Tenisheva. Kazan': TGGPU, 2011. Pp. 123–128.
6. Khisametdinova F. G. Slovar' bashkirskoi mifologii [Dictionary of Bashkir Mythology]. Ufa: IYaL UNTs RAN, 2011.
7. Tolstoy N. I. Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (Yazyk i etnos). L., 1983.
8. Lepekhin I. I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva [Travel Notes of Doctor and Adjunct of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin in Different Provinces of the Russian State]. Saint Petersburg: izd-vo Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk. 1771–1805. T. IV.
9. Lossievskii M. V. Orenburgskii listok. 1878. No. 36.
10. Shaikhislamova Z. F. Vostokovedenie v Rossii: istoriya, sovremennost' i perspektivy: materialy Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa, RITs BashGU, 2013. Pp. 347–354.
11. Rudenko S. I. Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki. M. Leningrad: izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1955.
12. Əmötbaev M. I. İadkär. Əfə: Kitap, 1984, 2011. 344 b.
13. Zlatoustovskii arkhiv Chelyabinsk. obl. F. 11, op. 1. D. 56. LL. 2, 39.
14. Kuzeev R. G. Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda [The Origin of the Bashkir People]. Moscow: Nauka, 1974.
15. RGIA F. 381, Op. 8, D. 4119, L. 2,4; RGIA F. 383. Op. 31.: TsGIA RB I-10, Op. 1, D. 1506: D. 1497: D. 1509.
16. Yusupov R. M. Kraniologiya Bashkir [Craniology of the Bashkirs]. Moscow: Nauka, 1989.
17. Bashkort khalyk izhady. Əkiättär, riyäiättär, khätirälär, säsendär izhady. Əfə, 1982. 342 b.
18. Teliya V. N., Grafova V. A. Chelovecheskii faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti [The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka, 1991.
19. Kubryakova E. S. Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti [Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow: Nauka, 1986.
20. Ufimtseva A. A. Leksicheskoe znachenie: Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki [Lexical Meaning: Principle of Semiological Description of Language]. Moscow: Nauka, 1986.
21. Shaikhislamova Z. F. Toponimiya severo-vostoka Bashkortostana (istoriko-lingvisticheskii analiz) [The Toponymy of the North-East of Bashkortostan (Historical and Linguistic Analysis)]. Ufa: RITs BashGU, 2009.
22. Shaikhulov A. G. Lingvokulturologicheskaya kartina mira kak sostavlyayushchaya istorii stanovleniya tyurkoyazychnykh narodov Uralo-Povolzh'ya v kontekste zolotoordynskoi tsivilizatsii (na materiale istoricheskoi leksiki: aspekty tipologicheskikh igenetich-

- eski kontaknykh svyazei) [Linguistic-Cultural Picture of the World as a Part of the History of the Turkic peoples of the Volga-Ural Region in the Context of the Golden Horde Civilization (on the Material of Historical Vocabulary: Typological Genetic Contacts)]. RITs BashGU. 2013.
23. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Volshebnye skazki. Skazki o zhivotnykh [Bashkir Folk Art. Fairy Tales. Tales about Animals]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989.
 24. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Predaniya i legendy [Bashkir Folk Art. Tales and Legends]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987.
 25. Akmanov I. G. Bashkiriya v sostave rossiiskogo gosudarstva v VII v. – pervoi polovine VIII v. [Bashkiria in the Russian State in the 7th-the First Half of the 8th Century]. Sverdlovsk: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991. 156 s.
 26. Ufinskaya guberniya. Spisok naselennykh punktov po svedeniyam 1870 g. [Ufa Province. List of Settlements According to 1870]. SPb; 1877.
 27. Asmond'yarov V. N. Evraziiskii gumanitarnyi forum. 2013. No. 3. Pp. 84–87.
 28. Aznabaev A. M. Pleonasm and the category of definiteness and indefiniteness in the historical fate of the bashkir and other turkic languages // The Problems of Oriental Studies. 2013. No. 2 (60). P.57–62.

Received 26.11.2014.